

покровитель (в начале 1314 года), инквизиционный трибунал, собравшийся в Тарасконе под председательством монаха-иаковита Лонжера, подтвердил задним числом неприятие пятнадцати предложений Арнольда, которые были осуждены в 1309 году в Париже теологическим факультетом (Сорбонной).

Несчастному же Роджеру Бэкону (1214-1294), заслужившему почетное прозвание *doctor mirabilis* («дивный ученый»), довелось испытать гораздо более злую участь: он провел четырнадцать лет в монастырской тюрьме.

Ни Арнольд из Виллановы, ни францисканский монах Роджер Бэкон никогда не выступали против церкви и не давали повода заподозрить себя в неверии - как раз наоборот. За что же тогда их преследовали? Инквизиционные трибуналы опасались (это стало для них своего рода наваждением) применения средств, соприкасавшихся с черной магией (обвинение требовало самого сурового наказания, если подсудимый «сознательно стремился к достижению чего-либо, применяя дьявольские средства»). Именно это, очевидно, и послужило основанием для обвинения двух упомянутых нами алхимиков. Более того, любая смелая мысль могла вызвать негодование церковных властей: например, глава францисканского ордена обвинял Роджера Бэкона в том, что он учил «подозрительным новшествами». А это действительно был исключительно пророческий ум: задолго до Леонардо да Винчи он писал о возможности создания летающих машин, самодвижущихся повозок и подводных лодок[68].

Было бы произволом отрицать такие факты. Вместе с тем необходимо учитывать политический фон, на котором разворачивались подобного рода процессы, а также то, что они оставались единичными случаями в сравнении со значительно большим количеством алхимиков, которых в Средние века не тревожили церковные власти по какому бы то ни было поводу.

Что же касается замечательных исследований Роджера Бэкона по оптике, заметим, что вопреки расхожим представлениям средневековые ученые обладали в этой области достаточно точными знаниями. Вот почему в XIII веке алхимики, а не один только Роджер Бэкон, могли иметь весьма совершенные зеркала. Однако, так же как и в случае наблюдения за трансформациями, которые претерпевала первичная материя в ходе Великого минерального Делания, отнюдь не существовало непреодолимой грани между позитивными наблюдениями и тем, что мы сейчас отнесли бы к оккультной сфере. Об этом можно судить по отрывку из «Романа о Розе» адепта Жана де Мена.

«Зеркала, - продолжает Природа - обладают многими курьезными свойствами. Когда смотришь в них, могут показаться отдаленными и маленькими предметы, в действительности большие и расположенные вблизи, так что с трудом можно различать их, даже напряженно всматриваясь, - будь то хоть самые высокие горы, как те, что отделяют Францию от Испании.

Другие же зеркала показывают, когда смотришь в них, предметы в точных пропорциях.

Есть и такие, которые, будучи направленными на предмет, способны зажигать его, поскольку они собирают в одной точке солнечные лучи с заключенным в них жаром.

Еще один тип зеркал показывает, в зависимости от того, как их установить, различные изображения то правдиво, то представляет их продолговатыми или перевернутыми, а то и делает из одного предмета несколько; при соответствующей их форме они могут показывать четыре глаза на одном лице; смотрящему в них могут даже являться привидения; живых они могут показывать как через воду, так и через воздух - при различных углах зрения можно видеть, как они играют между глазом и зеркалом, в соответствии с характером простой или сложной среды, на тысячу ладов меняя свою форму, обманывая глаза смотрящего».